

Стиль Московского театра русской драмы — мягкий, спокойный, исполненный сочувствия действующим лицам — располагает к любви. Михаил Щепенко и Тамара Баснина верны себе: на сцене — реальность, во-первых, неподдельно русская, и, во-вторых (а может, это во-первых), неподдельно православная. Звучит завораживающее пение, под которое купцы выясняют, что кому достанется в наследство.

Ничего фатального вроде бы не висит над героями — ну, получают они денежки, поживут и погуляют в свое удовольствие, потом, может, какую-нибудь сумму и неимущим пожертвуют...

Но вот странное чувство охватывает меня по ходу этого светлого действия: ожидание беды. Они все как-то необъяснимо несчастны. Почему-то катастрофа брезжит.

Откуда это у меня? Неужели от Александра Островского: нашего человека, говорит он, нужно любить, не вникая в его дела; вникнешь — и не будешь знать, как его потом любить...

В конце концов нахальные наследники решают опустошить семейный заветный сейф. Но тут по тревоге собирается ватага преданных хозяевам фабричных рабочих: пресекает разбой.

Чтобы разрядить ситуацию, хозяева (точнее, хозяйки) велют поднести всем фабричным по стакану водки, а себе — подать изысканной мадеры.

Сюжет пьесы Островского «Сердце не камень» подходит к финалу. Что-то неослабно благостное звучит в финале, хотя главный герой готовится отойти в мир иной и как наследники распорядятся его деньгами — неясно. Скорее всего, разбрендят, а потом — простят друг друга: и честные преемники, и лукавые жулики...

Выхожу со спектакля с чувством нравственного очищения.

Вот только остается где-то в глубине души ожидание беды. Готовность к неизбежным каверзам судьбы... под благовестное русское пение. Неизбывный камень на моем сердце.